

Николай Михайлович Карамзин

Евгений и Юлия

Николай Михайлович Карамзин

Евгений и Юлия

«...Гуляя при свете луны, рассматривали звездное небо и дивились величину божию; внимая шуму водопада, рассуждали о бессмертии. Сколько высоких нежных мыслей сообщали они друг другу, быв оживляемы духом природы! Как возвышалось сердце молодого человека, когда он в лице Юлии рассматривал образ спокойной невинности, освещаемый лучами тихого светила...»

**Николай Михайлович
Карамзин
Евгений и Юлия
*Русская истинная повесть***

*Cessez et retenez ces clameurs lamentables
Faible soulegement aux maux des
miserables!
Flechi'ssons sous un Dieu, que veut nous
eprouver,
Oui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot
nous sauver![1]*

Госпожа Л*, проведшая все время своей молодости в Москве, удалилась наконец в деревню и жила там почти в совершенном уединении, утешаясь своею воспитанницею, дочью покойной ее приятельницы, которая в последний час жизни своею, пожав ее руку, сказала: «Будь матерью моею Юлии!»

Подобно тихой прозрачной реке текла мирная жизнь их, струившаяся невинными удовольствиями и чистыми радостями. Праздность и скука, которые угнетают многих деревенских жителей, не смели к ним приблизиться. Они всегда чем-нибудь занимались; сердце и разум их были всегда в действии. Едва мрачные ночные тени исчезать начинали, едва румяный свет зари начинал разливаться по воздуху, госпожа Л*, пробуждаясь вместе с природою, нежными ласками прерывала покойный сон Юлии и призывала ее пользоваться приятностями утра. Обнявшись, выходили они из дому, дожидались солнца, сидя на высоком холме, и встречали его с благословением. Насладясь сим великолепным зрелищем природы, возвращались они домой с чувством веселия, ходили по са-

ду, осматривали цветы, любовались их осве-
женной красотой и питались амброзически-
ми испарениями. Госпожа Л*, посмотрев на
пышную розу, часто с улыбкою обращала
взор свой на Юлию, находя между ими вели-
кое сходство. Но Юлия любила более всех цве-
тов фиалку. «Миленький цветочек! – говари-
вала она, прикасаясь нежными устами свои-
ми к се листочкам. – Миленький цветочек!
Напрасно скрываешься в густоте травы: я вез-
де найду тебя». Говоря сие, клялась внутренне
быть всегда смиренною подобно любезной
своей фиалочке. После обеда хаживали они
смотреть полевые работы поселян, которые в
присутствии их трудились с радостью. Вечер
приносил с собою новые удовольствия. Смот-
рели на заходящее солнце, смотрели, как
кроткие овечки при звуках пастушеской сви-
рели бегут домой, блеют и прыгают, как
утружденные поселяне один за другим воз-
вращаются в деревню, и слушали, как они,
быв довольны успехом работ своих, в про-
стых песнях благословляют мать-натуру и
участь свою.

Когда же наступала пасмурная осень и гу-

стым мраком все творение покрывала или свирепая зима, от севера несущаяся, потрясала мир; бурями своими, когда в нежное Юлино сердце вкрадывалась томная меланхолия и тихими вздохами колебала грудь ее, тогда брались за книги, бессмертные творения истинных философов, писавших для пользы рода человеческого, тогда читали и перечитывали письма любезного Евгения, сына госпожи Л*, учившегося в чужих краях. Иногда при чтении сих писем глаза Юлиины наполнялись слезами, приятными слезами любви и почтения к благоразумному и добросердечному юноше. «Ах! Когда он к нам приедет? – часто говаривала госпожа Л*. – Как счастлива буду я, когда его увижу, прижму к своему сердцу и тебя вместе с ним, Юлия!»

Так текли месяцы и годы. Настало время, в которое молодому Л* надлежало возвратиться в отечество и в объятия своей матери. Всякий день ждали его, и все о нем говорили. Гуляя по цветущим лугам – тогда было еще начало лета, – беспрестанно посматривали на большую дорогу. Когда поднималась вдали Пыль, сердца, ожиданием томимые, трепе-

тать начинали. Прогуливались долее обыкновенного, медлили обедать, медлили ужинать, надеялись, что придет сын, придет братец – с самого детства Юлия привыкла называть Евгения сим именем.

Наконец он приехал. Восклицания, восторг, радостные слезы – кто сие описать может? Несколько дней не могли они от радости опомниться. Юлия – по скромности, свойственной молодой благонравной девушке, – старалась удерживать сильные движения своего сердца, но не всегда могла удержать их. Молодой, пылкий человек, воспитанный с нею вместе и любивший ее, как сестру свою, после такой долговременной разлуки требовал от нее все новых уверений в любви. Юлия должна была обходиться с ним так же вольно, так же просто, как и в детстве. Он непременно хотел, чтобы она всегда говорила ему *ты*, а не *вы*; сего последнего слова не мог он терпеть в устах своей Юлии. «Как бы я был несчастлив, – говорил он трогательным голосом, – если бы разлука хотя несколько прохладила твою любовь ко мне, тот нежный жар дружбы, который составлял счастье моего

младенчества!.. Нет, сестрица! Ты меня, конечно, так же любишь, как и прежде, собственное мое сердце меня в том уверяет. Хотя, расставшись с вами, перешел я совсем в новый мир, где меня все занимало, все изумляло; однако ж мысль о вас – о матушке и о тебе – была всегда первою и приятнейшею моею мыслию. Помнишь, как мы прощались, когда Евгений, проливая слезы, сказал тебе прерывающимся голосом: «Юлия! Я буду всегда нежнейшим другом твоим!» Эта сцена никогда не выходила из памяти моей». Юлия отвечала ему одною улыбкою, но сия улыбка сказывала ему все. Госпожа Л* в радости обнимала сына своего и Юлию.

Хозяйки водили Евгения по всем лучшим местам в окрестности своей деревни и показывали ему прекрасные виды, открывающиеся с вершины зеленых холмов. «Под этим высоким вязом, – говорила ему госпожа Л*, – ты часто сиживал с Юлиею; часто бегивал с нею по этому дугу, в этом леску брали мы землянику, и когда Юлия, не умея искать ягод, грустила, ты тихонько подбегал к ней и пересыпал свои ягоды в ее корзинку. На этой долине

вы заставили меня однажды плакать и благодарить бога. Помнишь ли? Нет, ты уже все забыл. Так я расскажу тебе. Мы гуляли по роще. Вышедши на долину, увидели мы лежащего на траве старика, который едва дышал от усталости и зноя. Ты тотчас бросился к нему, схватил с себя шляпу, почерпнул воды, возвратился к старику, напоил его и смыл у него с лица пыль, а Юлия обтерла его платком своим. Боже мой! Как я радовалась вами, видя такие знаки чувствительности вашего сердца!»

Гуляя при свете луны, рассматривали звездное небо и дивились величию божиию; внимая шуму водопада, рассуждали о бессмертии. Сколько высоких нежных мыслей сообщали они друг другу, быв оживляемы духом природы! Как возвышалось сердце молодого человека, когда он в лице Юлии рассматривал образ спокойной невинности, освещаемый лучами тихого светила.

Евгений подарил Юлии множество нот, множество французских, италийских, немецких книг. Она прекрасно играла на клавесине и пела. Клопштокова песня «Willkommen, silberner Mond»[2], к которой

музыку сочинил кавалер Глук, ей отменно полюбилась. Никогда не могла она без сердечно-го размягчения петь последней строфы, в которой Глук так искусно согласил тоны с чувствами великого поэта. Кроткие, нежные души! Вы одне знаете цену сих виртуозов, и вам единственно посвящены их бессмертные сочинения. Одна слеза ваша есть для них величайшая награда.

15 августа минуло Евгению двадцать два года, а Юлии двадцать один. Утренняя песнь птичек разбудила юношу. Он открыл глаза, и все предметы вокруг него улыбнулись. Встав с веселием, спешил он к своей родительнице. Она сидела в задумчивости, облокотившись на окно, подле которого на молодой яблоне лобызались две горлицы; на челе ее видны были знаки небесных чувств. Евгений смотрел на нее с глубоким почтением, не смев прервать ее размышления. Но сердце ее скоро почувствовало приход любезного сына; она встала, обняла его и благословила день его рождения. Вошла Юлия. Легкое, белое платье с розовыми леутами, распущенные волосы, радостная усмешка – все сие возвышало кра-

соту ее. Она летела в объятия своей воспитательницы. Едгедай целовал ее руку.

Госпожа Л* села на софу, посадила подле себя детей своих, смотрела на них с умильной любовью и начала говорить: «Бог видит, что я вас равно люблю, сердце мое признает Юлию своею дочерью. Я всегда радовалась взаимною вашею любовью, веселилась, что бог даровал мне таких милых детей. Признаюсь, я боялась, чтобы ты, сын мой, просвещая свой разум, не развратился в сердце, которое у тебя так мягко. Часто на коленях взывала я к богу: спаси моего сына! – Он услышал молитву мою, и ты возвратился к нам с большими знаниями и с неиспорченными чувствами. Не правда ли, что и в Юлии нашел ты новые достоинства? Она была предметом всех моих попечений, я старалась ее научить всему тому, что сама знала. Богу открыто было мое намерение, а теперь и вам его открою. Я готовила вас друг для друга. Вы друг друга достойны, друг друга любите: совершите же благополучие мое и соединитесь вечным, священным союзом!» Евгений вдруг встал, бросился к ногам матери своей и мог сказать

только: «Матушка... Матушка!» Юлия преклонила голову свою на груди ее и в безмолвии жала ее руку. Евгений одною рукою обнял мать свою и Юлию... Блаженные патриархальные времена, в которые добродетельный юноша без всякой боязливой застенчивости, означающей растленную пороком душу, прижимал к груди своей добродетельную девицу! Одна минута излетела из глубины вашей, вырвалась из объятий вечности, вас поглотившей, возвратилась в мир и осчастливила юного Евгения! «Блаженствуйте, дети мои! – говорила гж. Л*, – блаженствуйте ко счастью матери вашей!» – «Ах! Достояна ли я такого блаженства! – сказала Юлия. – Ваши милости...» – «Ты для меня небесный дар, Юлия, дар, которого едва смел я желать во глубине своего сердца»;

Если бы Рафаэль увидел сию сцену, то он забыл бы писать картину и в восхищении бросил бы кисть свою.

Все домашние, узнав, что Евгений скоро будет супругом Юлиным, были вне себя от радости, все любили его, все любили ее. Всякий спешил к обедне, всякий хотел от всего

сердца молиться о благополучии их. Какое зрелище для ангелов! Евгений и Юлия составляли одно сердце, в пламени молитвы к небесам воспарявшее. Госпожа Л* в жару благоговения многократно упала на колени, поднимая глаза к небу и потом обращая их на детей своих. Надлежало думать, что сии сердечные Прощения будут иметь счастливые следствия для юной четы, что она будет многолетствовать в непрерывном блаженстве, каким только можно смертному на земле сей наслаждаться. Но судьбы всемогущего суть для нас непостижимая тайна. Пребывая искони верен законам своей премудрости и благости, он творит – мы изумляемся и благоговеем – в вере и молчании благоговеть должны.

Будучи в беспрестанном восторге высочайшей радости, Евгений около вечера почувствовал в себе сильный жар. Он не хотел чувствовать его, хотел превозмогать натуру и тать сие борение; ко внутреннее состояние его скоро открылось пронизательным глазам нежной его родительницы и Юлии. Страх разлился по всем нервам их. Радость, подобно летнему солнцу, скрылась за облако печаль-

ных предчувствий; буря и гром таились в недрах оного. Больного положили на постелю – послали в город за доктором – все были в смятении, но все старались еще льстить себя надеждою. Так человек по некоторому природному побуждению – может быть, счастливо-му – закрывает глаза свои, когда освещает его луч будущих горестей!

Евгений, несмотря на то что пламя болезни стремилось в нем охватить все протоки жизни, просил печальную мать свою и плачущую Юлию успокоиться, уверяя, что ему становится лучше; но огненные руки его и горящее лицо обличали его в неправде. Три дни, в которые ни гж. Л*, ни Юлия почти не отходили от постели и не смыкали глаз, болезнь его то усиливалась, то уменьшалась. Приехал доктор, осмотрел больного и не сказал ничего решительного. Казалось, что в пятый день было ему гораздо легче: утешение блеснуло в душах печальных. Но в шестой день пришел он в беспамятство, и доктор сказал Юлии за тайну, что нельзя ручаться за жизнь его. – Оцепенение и обморок!

Больной в беспамятстве своем часто гово-

рил с жаром: «Я не хочу, не хочу с нею расстаться!.. Только с нею хотел бы я царствовать... Оставь меня, искуситель, и не кажись Юлии!»

В девятый день, на самом рассвете, душа Евгениева оставила брэнное тело. Исступленной матери казалось, что собор святых духов принял ее в свои объятия и с громогласными песнями провожал по пространствам эфира. После сей небесной мечты она почувствовала в себе бодрость и могла утешать Юлию, которая упала на грудь мертвого и в отчаянии восклицала: «Друг, супруг мой! Пстой, пстой! Умрем вместе!» Насилу могли вывести ее из комнаты.

Через три дни надлежало погребать тело. Все дворовые люди и крестьяне присутствовали при сем печальном обряде и проливали горькие слезы. Всякий хотел нести гроб и тем оказать последний долг покойному. За гробом шла несчастная мать в длинном черном платье. Немая горестъ изображалась на лице ее, но сквозь глубокие черты сей горести сияла твердость и всякая надежда на небесное подкрепление. Бледная, изнемогшая Юлия не

могла сама идти, ее вели две женщины под руки в некотором отдалении от гроба. Ни одной капли слез не видно было в глазах ее, и никаких жалоб уста ее не произносили, но в сердце своем чувствовала она всю тягость свершившегося удара.

Унылый глас похоронных песней и вид гроба, опускаемого в землю, не могли поколебать мужества гж. Л*. Но Юлия не могла уже вынести сей последней сцены, громко закричала и едва было без чувств не упала в могилу, но гж. Л* успела схватить и удержать ее.

Так скрылся из мира нашего любезный юноша. Прости, цвет добродетели и невинности! Прах твой покоится в объятиях общей матери нашей, но дух, составлявший истинное существо твое, плавает в бесчисленных радостях вечности, ожидая своей любезной, с которою не мог он здесь соединиться вечным союзом. Прости!

Гж. Л* и Юлия лишились в сей жизни всех удовольствий и живут во всегдашнем меланхолическом уединении. Самая природа, бывшая некогда для них источником радостей, представляется им мрачною и запустевшею.

Единственную отраду свою находят они в молитве и в помышлении о будущей жизни. В следующую весну Юлия насадила множество благоуханных цветов на могиле своего возлюбленного; будучи орошаемы ее слезами, они распускаются там скорее, нежели в саду и на лугах. Молодые деревенские девушки и мальчики празднуют подле сей могилы пришествие прекрасного мая, но отцы их и матери никогда без тяжелого вздоха мимо ее не проходят.

Один молодой чувствительный человек, проезжавший через деревню гж. Л* и слышавший сию печальную повесть, посетил гроб Евгениев и на белом камне, лежавшем между цветов на могиле, написал карандашом следующую эпитафию, которая после была вырезана на особливом мраморном камне:

*Сей райский цвет не мог в сем мире распуститься —
Увял, иссох, опал — и в рай был пренесен.*

Примечания

1

*Удержите и прекратите ваши
жалобные вопли,
Слабое утешение в беде всех
несчастливых!
Покоримся богу, который хочет
нас испытать,
Который единым словом может
нас погубить или спасти! (франц
)*

[^^^]

2

Явись к нам, серебряный месяц *(нем.)*.

[^^^]